

Г. А. Брандт

Екатеринбург

«ПОЛ», «ЧЕЛОВЕК», «КУЛЬТУРА» В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ: ОТКРЫТИЯ XX ВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пол; человек; культура; философия; гендерный подход; культурный институт

АННОТАЦИЯ: Значение гендерной теории в становлении гуманитарного знания XX века состоит не столько в том, что концепт пола получил новое (культурное) измерение, а в том, что сам человек как субъект культуры обрел половую идентичность.

G. A. Brandt

Yekaterinburg

«SEX», «HUMAN», «CULTURE» IN THE HISTORY OF WESTERN THOUGHT: XX CENTURY OPENING

KEY WORDS: sex; human; culture; philosophy; gender studies; cultural institution

ABSTRACT: The basic role of gender theory in the development of Humanities of the twentieth century is not only the concept of sex got a new (cultural) dimension, but the human as a subject of culture has found sexual identity.

Представление о том, что культурное наполнение пола стало предметом рассмотрения только в гендерной теории, появившейся, как известно, в конце XX века – ошибочно. Все мыслители, так или иначе касающиеся этого предмета, интересовались полом не столько как явлением собственно биологическим, сколько теми следствиями, которые имеет его биологическая природа в культурном преломлении. В противном случае уже античных философов можно было бы называть гендерными теоретиками, что совсем не способствовало бы прояснению нового термина. Цель данной статьи – показать читателю, что специфика гендерного рассмотрения пола состоит не в том, что, как это принято утверждать, главный акцент переносится на его, пола, социокультурное оборачивание.

Главная заслуга гендерного подхода – историческая встреча концептов «пола» и «человека» в практике письма и говорения мыслителей XX века.

Начнем с непосредственного обращения к истокам, с выявления полярного несовпадения по данному предмету у двух титанов античности – Платона и Аристотеля. Свежая, только-только рождающаяся из мифологического лона античная мысль впервые бьется над вопросом: «что есть человек?» И снимая описание всей сложности и мучительности попыток ответить на этот ставший вечным, «проклятым» вопрос, укажем, что, конечно, главное направление поисков было в выявлении *специфики* собственно человеческого бытия, его отличия от других форм жизни. Человек – животное, но животное разумное и политическое. Именно этот сухой остаток и призваны были выразить знаменитые аристотелевские слоганы, как сказали бы сейчас. Заметим особо, что вопрос о природе пола в философских текстах всегда и везде возникал только в связи с определением природы женщины, тогда тут появлялся и «мужчина» с его специфической сущностью: не мы первые заметили, что «чело-

век» всегда имел прямую коннотацию с мужчиной, «пол» с женщиной. Аристотель – не исключение, его в вопросах пола занимает прежде всего, конечно, то, что женщина – существо, которое с логической точки зрения собственно человеком назвать сложно. Поскольку ее главные функции те же, что и самки в животном мире. Нельзя сказать, что Аристотеля вообще не интересуют физиологические особенности полов. Так, например, в англоязычной литературе встречается указание на то, что Аристотель сравнивал жидкости, выделяемые мужчиной и женщиной [15]. И это сравнение позволяло ему делать однозначный вывод о преимуществах одного пола над другим, поскольку мужская жидкость (сперма) обладала несравненно более мощным энергетическим потенциалом, чем женская (менструальные выделения). Но прежде всего он говорит об социокультурном предназначении мужчины и женщины. Если мужчина – разумное, и поэтому политическое существо, то женщина, общественное дело которой – вынашивать, рожать, вскармливать и воспитывать детей (последнее только в самом младенческом возрасте) – представляет собой разновидность человеческой деформации, хоть и постоянно встречающейся в природе. Женщина, по Аристотелю, существо промежуточное между человеком и животным, и ее общественное предназначение помогать мужу в отправлении его собственно человеческих, политических обязанностей. Не больше.

Совсем другой точки зрения на общественные обязанности женщины придерживался Платон. И в «Государстве», и в «Законах» он высказывал мысль о том, что правители очень немудро поступают, когда используют для отправления необходимых государству социальных практик только половину человечества. Как один сапожник может быть лысым, а другой – кудрявым, так одна женщина может быть склонна к физическим упражнениям, другая – нет. Поэтому, делает он вывод он, есть женщины,

которые вполне могли бы выполнять и воинские обязанности. Наибольшего удивления заслуживает, пожалуй, то, что эта же логика относится и к возможной склонности у женщины к философствованию, что означает, что в принципе женщина может быть отнесена и к классу правителей. Идеи эти совершенно не укладывались в античный режим мысли. Не случайно, как указывают специалисты, в последующих переводах Платона на европейские языки, данные фрагменты были купированы, дабы не бросать тень на авторитет великого философа.

Но так или иначе, очевидно, что и Платон, и Аристотель в вопросах пола исследуют прежде всего социокультурные возможности и предназначение мужчин и женщин. Очевидно, впрочем, и то, что если позиция Платона так и осталась историческим парадоксом, то взгляды на женщину Аристотеля заложили основание одной из ведущих традиций, рассматривающих данную половину человечества как ущербную, неполноценную, главная задача которой состоит в реализации своей репродуктивной способности, имеющей мало отношения к собственно человеческому предназначению.

Об этом говорил Фома Аквинский: «Надо было создать женщину, чтобы, как сказано в писании, помочь мужчине. Конечно, не для того, чтобы помочь ему в трудах его, как некоторые утверждают, в этом случае мужчине лучше бы помог другой мужчина, а не женщина, но чтобы помочь ему воспроизводить себя» [13. С. 23]. Об этом в Новое уже время недвусмысленно высказывались А. Шопенгауэр и Ф. Ницше. Одному из них принадлежит замечание «назначение женщин исчерпывается назначением их служить распространению человеческого рода» [9. С. 61]. Другому – «первое и последнее призвание женщины – рожать здоровых детей» [9. С. 62]. Да и в веке XX такого рода мизогинистских утверждений было не меньше, чем в прежние времена (вспомнить хотя бы книгу О. Вейнингера, целиком посвященную

доказательству ущербности человеческой природы женщины).

Однако, начиная с Нового времени, все громче начинает заявлять о себе другая тенденция, в которой подчеркнута декларируется человеческое «равенство» мужчины и женщины, идея о том, что женщина тоже человек, только другой, чем мужчина. Последнее, впрочем, не совсем точно или даже совсем не точно. В дискурсивных практиках, когда идет речь о женщине (а рядом и о мужчине), понятие человека не употребляется. Концепт пола и человека не встречаются, как правило, на страницах текстов мыслителей. И возникает интересный феномен: открыто, эксплицитно, мыслитель утверждает одно, а имплицитно – противоположное. Обратимся опять же к крупнейшим фигурам.

У И. Канта есть малоизвестная работа «О прекрасном и возвышенном у мужчин и женщин» [4. С.152-153]. Философ утверждает, что природа в соответствии со своими целями четко распределила качества душевного строя между полами, ни один из которых не имеет преимуществ перед другим, и единственное, что требуется от каждого пола – точно следовать в культурном поведении своему природному предназначению. Вот мужской набор: благородство, глубокомыслие, способность к преодолению трудностей, принципиальность, трудолюбие, абстрактное мышление. В женщине же в идеале заложено следующее: красота, чувствительность, скромность, участливость, добросердечность, сострадательность, благожелательность, приятность, благосклонность. Она явно проигрывает мужчине в качествах разума, зато бесспорно выигрывает в сфере чувств. Кант пишет о взаимодополняющих качествах каждого пола.

Однако, посмотрим на данные взгляды Канта в контексте его моральной философии, поскольку, с его точки зрения, именно моральность составляет высшую ценность характера человека, то есть делает в собственном смысле человеком как субъектом культуры. Что, в

свою очередь, делает поступок моральной ценностью? Его мотив. И, по Канту, только один вид мотива может быть определен как действительно имеющий моральное достоинство – долг. Причем в чистом виде. Совершать благодеяние только потому, что у тебя есть к этому природная склонность, что это само по себе доставляет тебе удовольствие, приносит удовлетворение... – увы. «Я утверждаю, – пишет Кант, – что в этом случае всякий такой поступок, как бы он ни сообразовывался с долгом и как бы ни был приятным, все же не имеет никакой истинной нравственной ценности. Именно с благотворения не по склонности, а из чувства долга, и начинается моральная и несравненно высшая ценность характера» [5. С. 233].

А теперь вернемся к мужчине и женщине, их человеческим достоинствам: «У прекрасного пола столько же ума, сколько у мужского пола, с той лишь разницей, что это прекрасный ум, наш же, мужской, – это глубокий ум, а это лишь другое выражение для возвышенного. Красота поступка заключается в том, что его совершают легко и без всякого напряжения; усилие и преодоленные трудности вызывают восхищение и относятся к возвышенному» [4. С. 152-153].

То есть первая часть цитированного предложения относится к женскому типу поступков, вторая – к мужскому. Женщиной благодеяния осуществляются легко согласно ее природным склонностям и потому не имеют никакой моральной ценности. Иное дело мужские; ведь поступки из чувства долга всегда требуют как раз усилий и преодоления трудностей. Такого рода поступки с необходимостью включают, по Канту, следование универсальному принципу – категорическому императиву, который рассматривается им как краеугольный камень всех моральных действий. Но женщина вследствие своей природы неспособна совершать поступки исходя из принципа, значит, опять же в силу своей природы она не может обладать высшей ценностью характера. Иными словами быть челове-

ком в собственном смысле этого слова, о котором и написаны все «критики» и другие произведения Канта. Какого пола этот «человек», в принципе, понятно. Но нам сейчас интересно другое – а именно факт разрыва концептов пола и человека как культурного субъекта в Кантовской философии.

Гегель в этом смысле не показательная фигура, поскольку мотив женщины, а значит и пола, если едва различимо и возникает в его теории, то только в связи с мотивами семейной жизни (которая, конечно, вторична по отношению к государственной) и любви (но «любовь есть чувство; нравственность природного в форме: в государстве любви уже нет, в нем единство познается как закон, в нем содержание должно быть разумным...») [2. С. 209].

Обратимся в качестве еще одного примера к мыслителю, писавшему об отношении между полами охотно, считая любовь и семью важной сферой жизни. Таких в западноевропейской философии было мало. Одним из них был Ж.-Ж. Руссо. Большая часть его автобиографии, где высвечиваются интимнейшие стороны души автора, посвящена описанию мучений и блаженства любви. Он написал одну из первых европейских новелл «Юлия, или Новая Элоиза», в основе которой – письма героини и ее любовника, их болезненно-роковая любовь, расставание и последующее замужество Юлии. Руссо, судя по его произведениям, был пессимистом в отношении перспектив взаимоотношений мужчины и женщины; но эти взаимоотношения – источник глубочайших радостей для обеих сторон, и никакой субординации в природе полов в них не прослеживается [10].

Однако посмотрим на этот вопрос в контексте концепта человека. Главной идеей философии культуры Руссо была идея человеческой свободы и равенства. Порабощение в различных формах – вот что больше всего унижает человека. В «Рассуждениях о происхождении и основаниях неравенства между людьми» он представляет свой анализ способов и

причин порабощения, в «Общественном договоре» рассматривает теорию государства, в котором оказывалось бы возможным для граждан совместить как следование генеральной воле государства, так и отстаивание собственной позиции свободного гражданина. Наконец, в «Эмиле, или О воспитании» Руссо обсуждает принципы, которые должны быть положены в основу воспитания такого гражданина. Прежде всего, считал он, Эмиль должен уметь защищать независимость своего ума и духа. При таком положении Руссо вообще советует воспитателю возможно полно учитывать способности, склонности и интересы воспитанника, с уважением относится к его личности, учить самостоятельно мыслить. Воспитанник должен стать выносливым духом и телом, не зависимым в своих суждениях и мнениях от других и тщательно оберегать свою автономию и самодостаточность.

Но вот Руссо переходит к описанию воспитательной и образовательной программ для Софии – спутницы, подруги Эмиля. Это совсем иное дело. Вместо автономии и самодостаточности здесь необходимо воспитывать чувство зависимости и послушания. «Женщина создана на то, чтобы уступать мужчине и переносить даже обиду с его стороны» [11. С. 485]. София должна получать образование с единственной целью – быть приятной Эмилю. Все, что она делала или изучала, было направлено к тому, чтобы воспитать в ней послушную, добрую, приветливую, всегда согласную подругу Эмиля, «делаясь вашим супругом, – обращается к ней учитель, – Эмиль стал вашим главою, вам предстоит повиноваться – так захотела природа» [11. С.590] И это пишет Руссо, с его ненавистью к любой зависимости, которая, по его убеждению, с неизбежностью ведет к рабству и неравенству – самому унижительному для человека. Но человека «вообще», вне отнесения к половой принадлежности.

В принципе эти способы мысли, письма и говорения о человеке продол-

жают быть актуальными и по сей день. Как и сформулированные в рассмотренный период концепты мужественности / женственности, представленные в работах философов как природные, *твердые* сущности мужчины и женщины. Кажется, жизненная реальность уже давно «кричит» о несоответствии их социокультурным практикам современных людей. Однако сила убеждений в природной изначальности свойств мужественности у мужчины и соответственно женственности у женщины настолько сильна, что часто они, сталкиваясь с новыми потребностями жизни, создают большое психологическое напряжение для человека в ситуации необходимости половой идентификации. Социальные психологи много пишут об этих проблемах в профессиональной и особенно семейной жизни, когда жизнь готовит и требует от мужчин и женщин сегодня во многом сходных сценариев поведения, а семейные установки о *норме* роли, поведения, субординации мужчины и женщины остаются неизменными*. Заметим, что рассматриваемая проблема оказывается частным случаем той драмы, которую фиксирует современная философия в качестве одной из основных в жизни современного общества вообще. Это драма – конфликт между стереотипами, веками воспроизводимыми культурными институтами, считавшимися *естественными* нормами человеческого поведения и возникающим в результате изменившихся темпов социальной жизни новым типом человеческого бытия.

Сегодня мы наблюдаем универсальный процесс срывания масок «природного» с «историко-культурных» образований, выяснения механизмов «прирас-

тания» этих масок к «лицам» социальных субъектов [см. об этом: 6. С. 44].

Одной из задач гендерной теории и был, безусловно, процесс срывания маски природного с концепта «пола» как такового. Не случайно, что само понятие «гендер» родилось именно в феминистском дискурсе: о жесткой коннотации «пол» – «женщина» уже шла речь. Как только – а случилось это в 70-е годы XX века – феминизм из политико-правового движения трансформируется в новое направление общегуманитарной мысли, где именно «женщина» становится в фокусе внимания исследователей, появляется термин, призванный разобраться наконец с той ситуацией внеполового человека в общественности и гуманитаристике, о которой идет речь в данной статье. В разработке данного понятия теория феминизма опиралась на целый каркас знаний (прежде всего данных психологов и антропологов [см., напр., 7]), но собственно философско-культурологические основания были найдены в трудах З. Фрейда и К. Маркса.

С теорией Фрейда ситуация сложилась интересно. Почти *contra verse* той, что сложилась в кантовских размышлениях о мужчине/женщине в одном случае и о человеке – в другом. Фрейд неоднократно подчеркивал человеческую неполноценность женщины. Именно по поводу ее грустного удела – отсутствия пениса – прозвучал его ставший крылатым слоган: «Анатомия – это судьба». Правда, при более пристальном внимании к его рассуждениям о причинах женской ущербности, обнаруживается, что дело как раз не в анатомии, а в социокультурных практиках ребенка, надстраивающихся над ней. Все дело, главным образом, случается потому, что эдипов комплекс у девочки, в отличие от мальчика, «срабатывает» после комплекса кастрации и поэтому у нее нет стимула его преодолеть. А именно это преодоление и становится основой психологи-

* Приведем в качестве примера высказывание Андрея Тарковского – художника, по масштабу мышления вписывающегося в ряд крупнейших мыслителей столетия: «Женщина не имеет собственного внутреннего мира и не должна его иметь. Ее внутренний мир должен полностью раствориться во внутреннем мире мужчины. Мужчина должен сохранять для себя свой внутренний мир...» [1, с. 76].

ческого прорыва ребенка в мир культуры, из сферы «оно» в «сверх-я»^{*}

То есть, с одной стороны, Фрейд открыто заявлял, что личностные возможности мужчины и женщины, их нравственные, интеллектуальные творческие потенции резко различаются, что «чувство справедливости проявляется у них (женщин – Г.Б.) в меньшей степени, чем у мужчин, что они менее подготовлены к большим требованиям жизни, что они гораздо чаще в своих суждениях попадают под влияние чувств и аффектаций» [18. Р. 257]. А с другой, вне зависимости от субъективных намерений автора, все равно оказывалось, что пол не есть лишь производное от анатомического строения органов, что по сути дела *пол есть результат социокультурной практики человека* – его способности выбрать соответствующую его анатомии модель поведения, идентифицируясь с матерью или

* «Эдипов комплекс мальчика, когда он желает свою мать, а отца хотел бы устранить как соперника, развивается, конечно, из фазы его фаллической сексуальности. Но угроза кастрации принуждает его отказаться от этой установки. Под влиянием опасности потерять пенис Эдипов комплекс оставляется, вытесняется и в наиболее нормальном случае разрушается до основания, а в качестве его наследника вступает в силу строгое сверх – Я. У девочки происходит почти противоположное. Комплекс кастрации подготавливает Эдипов комплекс, вместо того, чтобы его разрушать, под влиянием зависти к пенису нарушается связь с матерью, и девочка попадает в эдипову ситуацию как в какую – то гавань. С устранением страха кастрации отпадает главный мотив, который заставляет мальчика преодолеть Эдипов комплекс. Девочка остается в нем неопределенно долго и лишь поздно, да и то не полностью освобождается от него. В этих условиях должно пострадать образование Сверх – Я, оно не сможет достичь той силы и независимости, которые и придают ему культурное значение» [13. С. 381].

отцом. Поэтому если вернуться к фрейдовскому убеждению о духовной неполноценности женщины, одна из главных причин этого заключается не в том, что у девочки «нет пениса», а в том, что у девочки доэдипова привязанность к матери носит совсем иной и по качеству, и по времени протекания характер. Девочка отождествляет себя с матерью, и это одна из причин почему ее суперэго никогда не будет в такой степени автономным, независимым от каких-либо желаний и чувств, «как мы вправе требовать от мужчины» (З.Фрейд).

Но в таком случае оказывается, что *женственность*, природа женщины есть не что иное как продукт историко-культурной практики, поскольку исторически сложившееся разделение труда в семейной сфере привело к тому, что именно женщина несет ответственность за заботу о ребенке^{*}, что и приводит, в свою очередь, к принципиальным различиям в психологических и общемировоззренческих ориентациях мужчины и женщины. Здесь мы уже вплотную подходим к значимости марксизма в формировании гендерного взгляда на мир. Но прежде зафиксируем феномен особенно важный для нашего рассмотрения: Фрейд впервые в истории философско-культурологической мысли сфокусировал свое внимание на половой природе человека и доказал, что пол – корневое качество человеческого бытия.

После этого нужен был уже только один шаг, чтобы поставить «пол» в один концептуальный ряд с «классом» и/или «расой», что и произошло в феминист-

* Данные антропологов свидетельствуют, что этот тип разделения труда не универсален, что существуют общества и культуры, где ответственность за детей несут не только или даже не столько женщины. Гендерный порядок современной Швеции, например, также свидетельствует о вариативности семейных ролей мужчины и женщины.

ской теории конца XX века. «Половость» является для феминизма тем же, чем труд для марксизма – т.е. социально обусловленной и вместе с тем обуславливающей, всеобщей и вместе с тем исторически специфической формой деятельности, объединяющей и тело, и разум. Организованная экспроприация половости одной группы в интересах другой группы является определяющим для пола женщины, точно так же как организованная экспроприация труда одной группы на благо других является основополагающим при определении рабочего класса. Гетеросексуальность есть структура этой экспроприации, пол и семья – формы ее проявления, половые роли – обобщенные характеристики социального индивидуума, воспроизводство – ее последствия, и контроль – ее основная проблема» [16. Р. 516]. Конечно, приведенная цитата носит очень жесткий характер. Не все разработчики гендерного подхода придерживались столь однозначно марксистской разновидности феминизма.

Главным было открытие возможности посмотреть на природу не только человека, но и всех явлений социокультурной практики сквозь призму концепта пола: «Пол не является только составляющей, изолированной частью, или незначительной вариацией общечеловеческого. Он не является случайной характеристикой для социального и политического статуса, как, например, цвет глаз: он – важнейшая составляющая часть социального и политического положения субъекта. Он имеет глубочайшее влияние и значение для субъекта, ... потому что пол проявляется в каждом действии, биологическом, социальном, культурном, если не в конкретном действии, то определено в своей значимости» [14. Р. 281].

* Обычно у нас понятие *sexuality* переводится как сексуальность. Однако в русском языке это слово имеет коннотацию прежде всего со словом секс, а не пол, поэтому мы позволяем себе нарушить традицию, вводя более точный термин «половость».

И сам «феминизм» после этого открытия сменил идентификационную стратегию, как бы заявляя, что он перерос свою этимологию. Современная исследовательница, подводя своеобразный итог поискам современного определения понятия «феминизм», указывает, что термин этот сегодня не означает просто отношения к женщине как к «объекту сочувствия или социальной справедливости», тем более он не означает мужененавистничества (в противовес распространенному мнению, замечает автор, мужчины становятся феминистами также естественно, как женщины): «Принять феминистскую позицию – значит открыто признать *точку зрения пола* на все аспекты интеллектуальных, культурных и социальных действий» [14. Р. 282].

Конечно, открытое признание «точки зрения пола» сразу выявляет половую диспропорцию как знания, так и социокультурной практики. Об этом еще в начале XX века говорил Георг Зиммель. Идея о том, что вся наша цивилизация не нейтральна в отношении пола – стрелковидная в одной из глав его фундаментального труда «Философия культуры» («Абсолютное и относительное в природе полов»). Суть ее в следующем: мужской пол в сложившейся культурной традиции не просто превосходит женский, а представляет собой по сути то общечеловеческое начало, которое определяет все нормы проявления как женского, так и мужского. Мы оцениваем все социальные достижения, все свойства человеческого характера, все качества мужественности и женственности по определенным нормам, однако, нормы эти не нейтральны в отношении пола – они имеют мужское основание.

Иными словами, Зиммель доказывает, что наша культура носит одномерно маскулинный характер, что в ней произошла тотальная подмена, «объективное – мужское» оказалось непреложным тождеством: «для нас характерно мужские проявления понимать именно как надспецифические, нейтральные и объективные».[17. Р. 69].

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Идеи Зиммеля в начале века услышаны не были. Время для них пришло только в его конце. Гендерная теория – междисциплинарная область знания, призванная, в первую очередь, пересмотреть

этот «цивилизационный» / культурный дис-баланс и тем самым обогатить концепт «человек» новым измерением его бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянко О.Е., Трушина Л.Б. Русские с первого взгляда. – М.: Русский язык, 2003.
2. Гегель Г. Философия права. – М.: Мысль, 1990.
3. Гросс Э. Изменя очертания тела // Введение в гендерные исследования. В 2 ч. Ч. II. – СПб.: Алетейя, 2001.
4. Кант И. О различии возвышенного и прекрасного у мужчин и женщин. Соч. Т.2. – М.: Мысль, 1964.
5. Кант И. Основы метафизики нравственности. Соч. Т. 4. Ч.1. – М.: Мысль, 1965.
6. Кемеров В.Е. Введение в социальную философию. – М.: Аспект Пресс, 1996.
7. Мид М. Культура и мир детства. – М. Наука, 1988.
8. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Соч.: В 2 т. Т.2. – М.: Мысль, 1990.
9. О женщинах: Л. Толстой, А. Бокль, А. Шопенгауэр, Г. Спенсер. – СПб., 1902.
10. Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. Избр. соч. в 3 т. Т.3. – М.: Гос. изд. худож. литературы, 1961.
11. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. – М.: Педагогика, 1981.
12. Фрейд З. Введение в психоанализ. – М.: Наука, 1989.
13. Ушакова В.К. Общественная роль женщины и идеология феминизма. Дисс. на соиск. канд. филос. наук. – М., 1984.
14. Hein H. The Role of Feminist Aesthetics in Feminist Theory // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 1990. № 4.
15. Lange L. Woman is Not a Rational Animal // Discovering Reality. N. Y. 1983.
16. MacKinnon C. Feminism, Marxism, Method, and the State: An Agenda for Theory // Signs, 7 (3) (Spring 1982).
17. Simmel G. Das Relative und das Absolute im Geschlechter Problem // Philosophische Kultur. Leipzig. 1919.
18. Freud S. Some Psychological Consequences of the Distinction between the Sexes // The Standart Edition of the Complete Psychological Works of S. Freud. London 1961. V.19.